

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Туфанова Ольга Александровна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Отдела древнеславянских литератур,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук,
ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: tufoa@mail.ru

**«ИДУ НА ПРЕСТОЛ»:
МОСКВА КАК СИМВОЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИТЯЖЕНИЯ
В ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ИНОМ СКАЗАНИИ»**

Аннотация: В периоды суровых исторических и политических испытаний особую значимость приобретает тема и образ Москвы. Составителя «Иного сказания», компилятивного памятника, посвящённого событиям Смутного времени, история столицы, её образ интересуют исключительно в историко-политическом аспекте. Близкие по тематике эпизоды, в которых упоминается топоним Москва, неоднородны в художественном плане, отличаются степенью развёрнутости повествования. Рассказы о воцарении Б. Годунова, В. Шуйского, утверждении правления семи бояр отличаются лапидарностью, в них основное внимание уделяется не столько самому городу, сколько москвичам, их реакции. Рассказы о Лжедмитрии I, восстании И. Болотникова и П. Горчакова и др. отличаются развёрнутым повествованием о том, как идущие на престол покоряли Москву или пытались её захватить. В обоих типах повествования Москва предстаёт как символ русского престола, символ власти, символ всего Московского государства. Различие в описании частично обусловлено вполне конкретными исходными позициями жаждущих власти, а именно их местоположением: изнутри или снаружи предпринимались попытки захватить престол. В зависимости от их исходного местонахождения и идейных установок составитель избирает различные, а порой и вовсе контрастные нарративные модели повествования — от библейского архетипа до протокольных церемониалов, как в случае с покорением Москвы Б. Годуновым и Лжедмитрием I. Каждый из претендентов на царский престол использует свои методы покорения города, от словесного убеждения до прямых угроз и расправ с жителями. И каждый из них придаёт особую значимость покорению именно Москвы не только потому, что это «царствующий» град, но и потому, что это «мать» городов земли Русской.

Ключевые слова: «Иное сказание», Москва, символ русского престола, символ власти, символ Московского государства, Б. Годунов, Лжедмитрий I.

Особая значимость столицы в сложные исторические периоды, сопряжённые с испытаниями народа, нашла широкое отражение в русской литературе различных периодов. М. Н. Гурари и Н. С. Лашенко справедливо отмечали: «Роль Москвы как символа России особо выявляется в минуты опасности, при угрозе потери национальной независимости...» [1, с. 485].

Не случайно сквозь весь богатый корпус памятников первой четверти XVII в., посвящённый событиям эпохи Смутного времени, с разной степенью полноты и художественного мастерства изображающий смену царей и самозванцев на русском престоле, интервенцию и гражданскую войну, роль народного ополчения и др., лейтмотивом проходит тема и образ Москвы. Не является исключением в этом смысле и компилятивный памятник так называемое «Иное сказание», составленный предположительно в 20-е гг. XVII столетия в Троице-Сергиевом монастыре книгохранителем обители Стахием. Именно к столице Московского государства оказывается приковано внимание составителя «Иного сказания», хотя, справедливости ради, стоит отметить, что история Москвы, её образ интересуют компилятора исключительно в историко-политическом аспекте.

Почти все фрагменты текста, посвящённые столице, содержат краткие или пространные рассказы о покорении Москвы или попытках её захватить. При этом близкие по тематике эпизоды неоднородны в художественном плане, отличаются степенью развёрнутости повествования. Так, рассказы о воцарении Бориса Годунова, Василия Шуйского, утверждении правления семи бояр, добровольно впустивших в Москву поляков, отличаются лапидарностью, в них основное внимание уделяется не столько самому городу, сколько москвичам, их реакции; порой топоним Москва и вовсе не упоминается, как в случае повествования о восшествии на престол Василия Шуйского, которого составитель считал законным правителем, ибо он принадлежал «святому кореню». Иной тип повествования наблюдается в рассказах о Лжедмитрии I, восстании Ивана Болотникова и Петра Горчакова, а также в главе, повествующей о владении Москвой «литовскими людьми». Эти рассказы отличаются от первых развёрнутым повествованием о том, как идущие на престол покоряли Москву или пытались её захватить. В обоих типах повествования Москва предстаёт как символ русского престола, символ власти, символ всего Московского государства. Различие в описании частично обусловлено вполне конкретными исходными позициями жаждущих власти, а именно их местоположением: изнутри или снаружи предпринимались попытки захватить престол.

Повествуя о трагических событиях конца XVI – начала XVII столетий, составитель подчёркивает, что Смута зарождается в столице Московского государства. Именно в Москве Годунов, возжелавший «суетной славы мира», «нача прелщати многихъ отъ царскіе полаты приобщателей боярь и дворянь» [7, стб. 3]. Примечательна первая реакция москвичей, решивших расправиться и с самим претендентом на престол, и с его родственниками: «и восхотѣша его со всѣми сродницы безъ милости побити каменіемъ» [7, стб. 4]. Годунов, осознавший серьёзность угрозы «отъ всего народнаго множества», «прельстил» многих бояр, которые и «учинили» в народе проповедь, и «Московстіи людіе премѣнишася еже на Бориса от гнѣва»

[7, стб. 5]. За прельщением последовали жестокие меры устрашения: казни, ссылки, разорение домов, убийство царевича Дмитрия... При этом в начале рассказа о действиях Бориса Годунова составитель «Иного сказания», вслед за автором «Повести, како восхити царский престол Борис Годунов...», лёгшей в основу компилятивного сочинения, уподобляет виновника разразившейся в дальнейшем трагедии древнему змию [9], некогда прельстившему Адама и Еву, а само повествование выстраивает в соответствии с библейским архетипом. Борис Годунов изображается не только в роли организатора, лукавого искусителя, преподнёсшего и царствующим особам, и в конечном счёте всем русским людям чашу со «смертоносным ядом», но и в роли исполнителя дьявольского замысла. В обоих случаях деятельность Годунова оценивается книжником как первопричина трагедии Смутного времени, по сути же он выполняет ту же самую роль, что и змий в истории изгнания первых людей из рая [8]. И в этом контексте отнюдь не случайно составитель акцентирует внимание на месте действия, первые люди лишились рая, и все последующие поколения мучительно движутся в поисках его. Прельщение и устрашение жителей Москвы, вслед за всем царским синклитом, приводит сначала к всеобщему молчанию: «и никто не смѣя противу его рещи» [7, стб. 12], а затем к тому, что «Борисъ на Москвѣ восхищаетъ царство лукавствомъ и неправдою» [7, стб. 14]. Незаконное воцарение на московском престоле воспринимается и прочитывается в памятнике как начало «неправых», трагических событий. Именно «на Москвѣ», согласно тексту «Иного сказания», было «восхищено царство», в Москве царство и восстановится, когда на престол взойдёт избранный всей землёй законный представитель царской ветви Михаил Фёдорович Романов. А сам «царствующий» город, показанный в этом фрагменте изначально как символ русского престола, становится и символом всего Московского государства. Статус Москвы как столицы государства (составитель многократно на протяжении всего текста напоминает: «по царствующему граду Москвы» [7, стб. 12], «въ царствующемъ градѣ Москвѣ» [7, стб. 17, 18, 105], «ко царствующему граду Москвѣ» [7, стб. 61], «во царствующій <...> градъ Москву» [7, стб. 95] и т.д.¹) делает её особо привлекательной в глазах тех, кто хотел захватить русский престол. Именно поэтому в начале XVII столетия Москва становится центром притяжения и русских людей, и самозванцев, и иностранцев и одновременно тем центром, от состояния которого зависело положение других русских городов и населённых пунктов.

Когда на политическом горизонте появляется Григорий Отрепьев (кстати, его путь как монаха тоже так или иначе связан с Москвой, местом притяжения), многие люди, что «про Бориса добръ вѣдаютъ, яко неправдою восхити царство» [7, стб. 28], «радѣюще его прихода къ Москвѣ» [7, стб. 38]. Цель Отрепьева — Москва, где цар-

¹ Аналогичным образом подчёркивается особый статус Москвы как столицы государства и в других памятниках эпохи Смутного времени. Ср.: в «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства» — «высокоименитыи и преславно царствующии град Москва» [6, с. 132], «царствующии и преиманитыи град Москву» [6, с. 142]; в «Повести о житии царя Федора Ивановича» — «царствующи богоспасаемы град Москву» [4, с. 88]; в «Летописной книге» С. И. Шаховского — «превеликой Москвѣ» [12, с. 358].

ский престол. Покорение Москвы, по сути, означает воцарение. Общее «нерадѣніе» к Борису Годунову, а затем к его сыну, вера народа (или желание поверить в чудо) в «грядущаго нарецающагося царевича Дмитрея» [7, стб. 39] в конечном итоге приводят к тому, что в московском войске «Московстїи воеводы» увидели сомнение и смятение [7, стб. 40], «Рустїи людїе зъ грады предаются <Отрепьеву. — *О. Т.*>, да и вси Російского государства люди стояти противу его не хотятъ» [7, стб. 40].

Опуская ряд последовавших за этим, хорошо известных событий, перейдём к главному. При почти (!) всенародной поддержке Отрепьев пишет «къ царствующему граду» [7, стб. 42]. Зачем он посылает грамоту москвичам? Насколько это было необходимо, если учесть, что Борис Годунов к тому моменту «смертоноснымъ зеліемъ упоивъ себе» [7, стб. 39], а его сыну Фёдору, названному государем, присягнули не все, впав в сомнение [7, стб. 40]? Очевидно, что в тексте «Иного сказанія» воспроизводится некий церемониал во взаимоотношениях Отрепьева и городов земли Русской. Вступив в пределы Московского государства с войском, собранным королём «Литовским» [7, стб. 26], и «пришедъ подъ Муромескъ градъ», Лжедмитрий I «нача досылати писанія и прелщати прелестію вражію <...> въ Муромъ, и въ Черниговъ и въ Курескъ, и въ инья грады, воеводамъ и приказнымъ и всякимъ служилымъ людемъ, и всѣмъ гостемъ и торговымъ и чернымъ людемъ...» [7, стб. 26].

Первое действие — «досылати писанія». Второе — чтение при народе / приведение в памятнике текста писания, в котором выделяется ряд семантически значимых моментов:

- 1) Отрепьев именуется себя «царем и великим князем Дмитрием Ивановичем» [7, стб. 27];
- 2) он упоминает о чуде: «меня, государя вашего прироженнаго, Богъ невидимую силою укрыль» [7, стб. 27];
- 3) «прироженный» царь идёт «на престоль прародителей <...> на Московское государство» [7, стб. 27];
- 4) вскользь упоминает об изменнике Годунове;
- 5) призывает узнать «своего государя государевича» и служить «государю своему прироженному» [7, стб. 27]), как когда-то служили царю и великому князю Ивану Васильевичу;
- 6) обещает «все православное христїянство въ тишинѣ и въ покои и во благоденственномъ житїи учинити» [7, стб. 28].

В. Ульяновский, анализируя эту первую окружную грамоту Лжедмитрия I к народу, отмечал, что в ней «налицо все стереотипы российского православного осмысления царской власти, идеологически и в сакральном отношении развитые и обоснованные именно Иваном Грозным — отцом царевича Дмитрия» [10, с. 322–323]:

- 1) объяснение чудесного спасения от рук убийц «Божїим произволением»;
- 2) призыв узнать после покаяния своего «прироженного» государя;
- 3) «призыв к христианской справедливости» [10, с. 322];
- 4) упоминание о том, что «православный “правдивый” государь, несмотря на вины подданных, жалеет их, напоминает о православной вере <...> что должно было

выразиться <...> в делегации от всего народа, возглавляемой слугами Божиими “митрополиты и архиепископы”» [10, с. 322].

Знание «типичного представления о царской власти», подводит итог исследователь, «замыкало временную идейно-сакральную связь» и делало обращение самозванца по языку и смыслу понятным его современникам в Московском государстве [10, с. 323].

Текст первой грамоты оказывается психологически в художественном и языковом отношении точно выверенным, что сказывается в нарочитой повторяемости значимых слов-маркёров. Так, дважды самозванец именуется «царем и великим князем Дмитрием Ивановичем»; дважды напоминает об Иване Грозном, отце; пять раз пишет с небольшими вариациями, что он «прирожденный» государь, Божиим милосердием (3 раза) сохранённый и теперь «съ Божією помощію» идущий на престол «прародителей». Эти маркёры формируют главную идею грамоты: идущий на престол — законный, ибо «прирожденный», государь.

Психологический расчёт Лжедмитрия I оказался верен, ибо затронул не только глубинные представления о царской власти, но и потаённые чаяния «всенародного множества», уставшего от Борисова кровопролития; и потому грамота в большинстве случаев (исключение, согласно тексту «Иного сказания», составил Новгород-Северский) вызвала тот отклик, на который самозванец и рассчитывал.

Третье действие церемониала — размышления людей: «Людіе же въ тѣхъ градѣхъ <...>, слышавше сія, быша тогда въ размышленіи и паки положишася на щедроты Божія, мнѣвше то вправду быти...» [7, стб. 28].

Итог — четвёртое действие — непротивление Лжедмитрию I, открытие градов и поклонение как царю: «И никто же ста братися противу его: аможе приіде, грады ему вездѣ отворяху и подобное поклоненіе и дары приношаху ему, якоже подобаеть царскому величеству» [7, стб. 28].

По сути, данный церемониал, судя по тексту «Иного сказания», был направлен на добровольное принятие городами земли Русской самозванца как «прирожденного» государя, или по крайней мере именно так изображает это составитель, таким своеобразным способом подчёркивая хитроумие Отрепьева и сложность психологической ситуации, в которой людям из разных городов земли Русской приходилось делать свой выбор. А выбор был действительно непростой, и потому, очевидно, составитель избегает прямых оценок городов, покорившихся самозванцу без боя, ограничиваясь сухим изложением факта открытия городов и прития Лжедмитрия как царя. И в то же время повторяемый с каждым городом один и тот же церемониал каждый раз был ступенькой, звеном на пути к престолу (напомним: в окружной грамоте была точно обозначена цель пути — иду на престол прародителей, т. е. иду на Москву).

Чтобы достичь желаемого, мало было подчинить города земли Русской, надо было покорить Москву как символ Русского государства, как его сердце, как место, где находится царский престол. А для этого надо было убедить, как прежде жителей других городов, в законности претензий «царя» москвичей — «первое народу Московскаго государства» [7, стб. 42]. «Первый» — потому что у Москвы особый

статус «царствующего» города», потому что именно в Москве находится царский престол, потому что Москва — «мать городов» русских. Именно в этом фрагменте составитель использует важнейшую метафору: «къ царствующему граду, еже есть матере градовомъ, къ Москвѣ» [7, стб. 42]. В его восприятии официальный статус «царствующего града» сопрягается с иной характеристикой. Для него это не затёртая метафора, это — олицетворение самой жизни Русского государства. Сходное отношение к Москве обнаруживается во многих памятниках Смуты. Так, например, в «Хронографе 1617 г.» используется эта же метафора: «мати Русьским градовом Москву» [3, с. 356]; в «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства» Москва называется «самой земли око» [6, с. 132]; Арсений Елассонский именует Москву «царицей и госпожой многих городов» [2, с. 191] и т.п. Все эти метафоры подчёркивают особое, сыновнее отношение авторов к городу.

Не случайно, уже завершая рассказ о Смуте, составитель «Иного сказания» ещё раз обратится к метафоре «мать городов», художественно ёмко, но ярко, вслед за автором «Хронографа 1617 г.», охарактеризует историю «царствующего» города в указанный период: «Преславное же и великое мѣсто и многонароднаго християнства селеніе, еже есть мати Рускимъ градовомъ Москву, юже отъ невѣрныхъ Латинъ плѣненіемъ запустошеную и отъ Рускихъ мятежниковъ тяжкихъ озлобленіемъ осквернившуюся и осиротѣвшую, паки младозрачну тогда, аки предобрую отроковицу и преукрашенную невѣсту, сотвори» [7, стб. 130]².

Актуализация в тексте «Иного сказания» древнейших метафор (город-женщина, город-мать, город-невеста), восходящих в своей основе к Библии³, имеет, на наш взгляд, особый смысл в идейно-художественной структуре памятника. Образ Москвы выстраивается составителем по аналогии с ветхо- и новозаветными текстами городов, в которых «земной Иерусалим» персонифицируется «в женском образе, выступающем в роли матери народа и супруги Иеговы» [11, с. 227], что отмечал в своей статье «Женщина-город в библейской эсхатологии» И. Г. Франк-Каменецкий. В тексте же «Иного сказания» статус Москвы как столицы и матери городов делает её слово законом для «детей» — городов земли Русской, которые не столько убедились, сколько «чаяху его быти сушаго прироженнаго своея християнскія вѣры царевича» [7, стб. 28]. И потому Отрепьев пишет грамоту, которую читали «на Лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ множествомъ Московскаго народа» [7, стб. 47].

Текст грамоты к москвичам, сохраняя в основе своей текст первой окружной грамоты к другим городам, отличается обстоятельностью в перечислении пред-

² Этот фрагмент, очевидно, заимствован составителем «Иного сказания» из более раннего памятника — «Хронографа 1617 г.». Ср.: «Преславное же и великое мѣсто и многонароднаго християнства селеніе, еже есть мати Русьским градовомъ Москву, юже от невѣрныхъ латинъ пленениемъ запустошенную и от русских мятежниковъ тяжким озлоблением состарѣвшуюся и осиротѣвшую, паки младозрачну тогда, аки предобрую отроковицу и преукрашенную невѣсту сотвори» [3, с. 356].

³ «В Библии большие города — Вавилон, Рим и Иерусалим — часто сравниваются с женщинами. И в Старом, и в Новом Завете Иерусалим называется в женском роде, как невеста, девушка или мать. В Откровении Иоанна, например, говорится о новом Иерусалиме: “приготовленный как невеста, украшенный для мужа своего”» [5].

шествующих событий и наличием новых слов-маркёров, направленных на более серьёзное психологическое воздействие, формирующих комплекс одновременно вины и жалости к «сироте», «законно» идущему на престол. Это и постоянные упоминания родства: «отца нашего великого государя царя и великому князю Ивану Васильевича <...> братъ нашъ великій государь царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ <...> а государыню мою мать царицу и великую княгиню иноку Марфу Федоровну...» [7, стб. 43]; и постоянное употребление эпитета «великий» и по отношению к «родственникам», и при именовании себя (27 раз в тексте грамоты употребляется эпитет «великий» и поддерживается 6 раз упоминанием «царского величества»); и повторение определений «христианский» (5 раз) и «прирожденный» (3 раза). В этой грамоте всё: и повторы, свидетельствующие о величии и законности пишущего, и перечисление преступлений москвичей пред царским родом, и упоминание о том, что другие города «добили челом», и обещание милости — направлено на достижение главной цели — престола [7, стб. 42–47].

Вновь, таким образом, мы наблюдаем повторение уже известных церемониальных действий: расстрига пишет к «царствующему» граду грамоту-прельщение («И сицевою прелестію прелстити первое народу Московскаго государства покусия» [7, стб. 42]). Далее приводится текст грамоты (читается публично на Лобном месте), повторяющий главную идею первой окружной грамоты. Затем в тексте воспроизводятся и последующие действия церемониала — размышления москвичей («Егда же слышавше посланіе сицево, Московстїи народи и вси Рустїи людїе мнѣвше по правду быти» [7, стб. 47]) и прития самозванца как царя: «И возрадовашася ему радостію великою» [7, стб. 47]. Теперь уже «Московстїи» бояре, воеводы, дворяне, весь царский «синглит» подчиняются народному мнению. Узнав мнение москвичей, «еретикъ поиде къ царствующему граду <...> безо всякого опасенія» [7, стб. 50] и «вниде въ онъ 113 году, мѣсяца іюня въ 20 день четвертка» [7, стб. 51].

Таким образом, Москва, «царствующий град», как и другие города и населённые пункты земли Русской, приняла правду, воплощённую в «царе-Рюриковиче», и этот жест был всеобщим [10, с. 161]. Но радость москвичей была недолгой. Составитель «Иного сказания» умело обыгрывает фразы из грамот-посланий Лжедмитрия. В первой окружной грамоте он призывал: «И вы нынѣ насъ узнайте, своего государя государевича...» [7, стб. 27]. Примечательно, что в грамоте, адресованной москвичам, этот призыв отсутствует. Но именно «Московстїи людїе» познали его: «И начаша Московстїи людїе, знающе его, мнози познавати его» [7, стб. 51]. И познание омрачило первую радость: «Людїи же <...> во удивленїи быша и ужасѣ» [7, стб. 52], поскольку Лжедмитрий I повторил по сути деяния Бориса Годунова; чувства москвичей оказываются сходными с теми, что они испытывали при власти предыдущего «царя»: «И вонзи страхъ и трепеть въ сердца челоувѣча» [7, стб. 54]. Но долго москвичи не могли терпеть чинимые в городе безобразия, и «Въ десятый день послѣ своєї женидбы, 114 году, мѣсяца маія въ 16 день, <...> мечемъ и прочимъ убійствомъ, оружіемъ убїенъ бысть...» [7, стб. 58].

В целом, в тексте «Иного сказания» различными художественными средствами подчёркивается особый статус Москвы как символа политического притяже-

ния для претендующих на царский престол. Каждый из них использует свои методы покорения города, от словесного убеждения до прямых угроз и расправ с жителями. И каждый из них придаёт особую значимость покорению именно Москвы не только потому, что это «царствующий» град, но и потому, что это «мать» городов земли Русской. В зависимости от их исходного местонахождения и идейных установок составитель избирает различные, а порой и вовсе контрастные нарративные модели повествования — от библейских архетипов до протокольных церемониалов, как в случае с покорением Москвы Борисом Годуновым и Лжедмитрием I.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Гурари М. Н., Лащенко Н. С.* Москва — лицо России, материализованный компонент общенациональной идеи // Национальная идея России: материалы Всеросс. науч. конф., 12 ноября 2010 г. М.: Научный эксперт, 2010. С. 483–487.
- 2 *Елассонский А.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 163–210.
- 3 Из Хронографа 1617 года // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 318–357.
- 4 *Иов.* Повесть о житии царя Федора Ивановича // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 74–129.
- 5 *Корнель П.* Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи. СПб.: Азбука, 1999. С. 27–28. № 30.
- 6 Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 130–145.
- 7 Такъ называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Л.: Тип. И. Н. Скороходова, 1925. Изд-е 3. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссиею. Т. XIII. Вып. I. Стб. 1–144.
- 8 *Туфанова О. А.* Библейские сюжеты и образы в литературе Смутного времени // Библейские сюжеты в древнерусской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 129–181.
- 9 *Туфанова О. А.* О «древнем змии» или Борисе Годунове (на материале «Иного сказания») // Макариевские чтения. «Христианская символика». Материалы XVI Российской научной конференции, посвященной памяти Святого Макария. Можайск, 2009. Вып. XVI. С. 517–524.
- 10 *Ульяновский В.* Смутное время. М.: Европа, 2006. 456 с.
- 11 *Франк-Каменецкий И. Г.* Колесница Иеговы. Труды по библейской мифологии. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
- 12 *Шаховской С. И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 358–427.

Tufanova Olga Aleksandrovna,

PhD in Philology,

Senior researcher of Department of ancient Slavic literatures,

The Institute of World Literature named after Maxim Gorky,

Russian Academy of Sciences,

Povarskaya str. 25a, 121069 Moscow, Russian Federation

E-mail: tufoa@mail.ru

**«I GO TO THE THRONE »:
MOSCOW AS THE SYMBOL OF POLITICAL ATTRACTION
IN SO-CALLED «THE OTHER LEGEND»**

Abstract: The theme and image of Moscow acquires special significance in the periods of severe historical and political ordeals. The compiler of «The other legend», the compilatory monument dedicated to the events of the Time of Troubles, is interested in the history of the capital, its image only in historical and political aspect. The episodes of related themes that mention the toponym Moscow, are different artistically and are characterized by different degrees of dissemination of the narrative. Stories about the accession to the throne of B. Godunov, V. Shumsky, the approval of the board of seven boyars are lapidary, they focus is not so much on the city itself, as on Muscovites and their reactions. Stories of False Dmitry I, I. Bolotnikov uprising and P. Gorchakov et al. are characterized by detailed narrative about how those going to the throne conquered Moscow and tried to capture it. In both types of narrative Moscow appears as a symbol of the Russian throne, the power symbol, the symbol of all the Moscow State. The difference in the description is partly due to very specific starting positions of the power-hungry people, particularly, their location: if the attempts to seize the throne were from inside or outside. Depending on their location and ideological attitudes the compiler chooses different narrative storytelling models, which are at times contrasting — from the biblical archetype to the protocol ceremonies, as in the case of the conquest of Moscow, Boris Godunov and the False Dmitry I. Each of the contenders for the throne is using its own methods of conquest of the city, from verbal persuasion to direct threats and reprisals against residents. And each of them gives special importance to the conquest of Moscow, not only because it is «reigning» city, but also because it is the «mother» of cities of the Russian land.

Keywords: «The other legend», Moscow, symbol of the Russian throne, the power symbol, the symbol of the Moscow State, B. Godunov, False Dmitry I.

REFERENCES

- 1 Gurari M. N., Lashchenko N. S. Moskva — litso Rossii, materializovannyi komponent obshchenatsional'noi idei [Moscow is Russia's face, a materialized component of the national idea]. *Natsional'naia ideia Rossii: materialy Vseross. nauch. konf., 12 noiabria 2010 g.* [National idea of Russia: papers of All-Russia scientific. Conf., November 12, 2010]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2010, pp. 483–487.

- 2 Ellassonskii A. Memuary iz russkoi istorii [Memoirs of Russian history]. *Khroniki Smutnogo vremeni / Konrad Bussov. Arsenii Ellassonskii. Elias Gerkman. «Novyi letopisets»* [Chronicles of the Time of Troubles / Conrad Bussow. Arseny Ellassonsky. Elias Gerkman. «New Chronicle»]. Moscow, Fond Sergeia Dubova Publ., 1998, pp. 163–210.
- 3 Iz Khronografa 1617 goda [From 1617 Chronograph]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Monuments of Old Russian literature: end of XVI – beginning of the XVII centuries], vstup. st. D. Likhacheva; comp., ed. L. Dmitrieva i D. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987, pp. 318–357.
- 4 Iov. Povest' o zhitii tsaria Fedora Ivanovicha [The Story of the Life of Tsar Fedor Ivanovich]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Monuments of Old Russian literature: end of XVI – beginning of the XVII centuries], vstup. st. D. Likhacheva; comp., ed. L. Dmitrieva i D. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987, pp. 74–129.
- 5 Kornel' P. Puti k raiu. Kommentarii k poteriannoi rukopisi [Way to Heaven. Comments on the lost manuscript]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 1999, pp. 27–28, no 30.
- 6 Plach o plenenii i o konechnom razorenii Moskovskogo gosudarstva [Lament of the capture and the final ruin of the Moscow State]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Monuments of Old Russian literature: end of XVI – beginning of the XVII centuries], vstup. st. D. Likhacheva; ed. L. Dmitrieva i D. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987, pp. 130–145.
- 7 Tak" nazyvaemoe Inoe skazanie [The so-called «The other Legend»]. *Pamiatniki drevnei russkoi pis'mennosti, otnosiashchiesia v Smutnomu vremeni* [The monuments of old Russian literature at the Time of Troubles]. St. Petersburg, 1891, vol. 13, column 1–144.
- 8 Tufanova O. A. Bibleiskie siuzhety i obrazy v literature Smutnogo vremeni [Biblical stories and characters in the literature of the Time of Troubles]. *Bibleiskie siuzhety v drevnerusskoi literature* [Biblical scenes in ancient literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 129–181.
- 9 Tufanova O. A. O «drevnem zmii» ili Borise Godunove (na materiale «Inogo skazaniia») [On the «ancient serpent» or Boris Godunov (based on «The other Legend»)]. *Makarievskie chteniia. «Khristianskaia simvolika». Materialy XVI Rossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati Sviatitelia Makariia* [Makarius readings. «The Christian symbolism». Materials of XVI Russian scientific conference dedicated to the memory of St. Macarius]. Mozhaisk, 2009, issue XVI, pp. 517–524.
- 10 Ul'ianovskii V. *Smutnoe vremia* [Time of Troubles]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 456 p.
- 11 Frank-Kamenetskii I. G. *Kolesnitsa Iegovy. Trudy po bibleiskoi mifologii* [Chariot Jehovah. Works on Biblical mythology]. Moscow, Labirint Publ., 2004. 320 p.
- 12 Shakhovskoi S. I. Letopisnaia kniga [Chronicle book]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Monuments of Old Russian Literature: end of XVI – beginning of the XVII centuries], vstup. st. D. Likhacheva; ed. L. Dmitrieva i D. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987, pp. 358–427.